

О. Е. КОШЕЛЕВА

ВНЕЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРСОНАЖ МЕЩАНИН В ЗЕРКАЛЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Рец. на книгу: *З.М. Кобозева. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.)* или *Рассказ о «душе с повинностями»*. – Самара: Изд-во «Самарский университет» 2013. – 608 с., 48 илл.

Ключевые слова: история повседневности, город, мещанское сословие.

Первое, что ощущаешь, читая монографию Зои Михайловны Кобозевой – это душевную теплоту автора по отношению к предмету своего исследования – мещанству г. Самары. Да, речь идет о том самом городском слое населения, название которого приобрело негативное значение, обозначающее пошлость, узость взглядов, конформизм, малую образованность, отсутствие личного достоинства, трусоватость и еще множество не самых приятных характеристик, крепко припечатанных классической русской литературой. «Клоп» Маяковского – вот он, типичный мещанин! Многие могут сказать, что профессиональный историк не должен в научном тексте проявлять симпатий и антипатий к предмету своего исследования, тем не менее, они присутствуют всегда, даже если их тщательно скрывают. В данном случае автор их не утаивает, а сознательно подчеркивает – было бы невозможно написать книгу о мещанстве без сочувствия и, главное, интереса, к нему. Что, однако, далеко не равно идеализации. «Все правда», – пишет автор, подытоживая высказывания классиков о мещанстве, – но давайте здесь, на историческом поле, обойдемся «без назидательности» (с. 14). Впрочем, это чувство симпатии – черта практически всех исследований, написанных «о маленьком человеке», который совсем не герой, а часто – дурак и пьяница. Более того, З.М. Кобозева органично включает себя и своих близких – жителей города Самары – в собственное исследование. Это их лица мы видим на обложке книги – так сразу начинается визуальное знакомство с представителями мещанского сословия.

Значимость исследования именно мещанского сословия, а не просто горожан – исключительная: оно очень мало изучено в отечественной историографии. В России конца XIX столетия, стремительно двигавшейся к революции, негативное отношение к мещанству сложилось

в силу разных исторических обстоятельств, как среди дворянства и интеллигенции, так и среди рабочих и крестьян. Оно перешло и в советскую эпоху, когда марксистская наука признала неспособность российского «третьего сословия» сыграть важную роль в развитии страны. Все это привело к малой изученности и к недостаточному осмыслению роли и места мещанского сословия в истории России.

З.М. Кобозева закономерно отказывается от марксистского подхода (с. 20), который в данном случае дал бы только негативные ответы, ее опорой вполне обоснованно стала история повседневности. Ведь мещанство состояло, по преимуществу, из людей, которые не делали политики, в первую очередь они были заняты своими повседневными проблемами, главная из которых – выжить и преуспеть в нелегких условиях имперской городской жизни.

Тем не менее, это «мещанское» занятие повседневными проблемами несет в себе немалое историческое значение. В критические моменты истории роль мещанства оказывалась в разных ситуациях весьма неоднозначной. Так, велико было значение низших слоев городского населения во всех трех французских революциях; полагают, что именно эти же слои создали благоприятные условия для расцвета фашизма в Германии. И сегодня, в эпоху постмодернизма, утратившую прежние высокие идеалы и сосредоточенную на «мещанском благополучии», простой городской обыватель играет важнейшую роль в формировании современной России. Именно он отстоял свою, так жестоко осмеянную классиками, точку зрения на жизнь.

Исследование мещанской повседневности основано автором на таком сложном и, на первый взгляд, скучном материале, как делопроизводственная документация, или, говоря иначе, на давно ненужных, пожелтевших бюрократических бумажках, представляющих собой счета, жалобы, повестки, квитанции, протоколы заседаний давно исчезнувших учреждений г. Самары. В фондах самарского архива они полностью сохранились, и до настоящего времени лежали там не тронутые рукой историка. И вот эта рука перевернула в них каждую страницу, а глазам открылись «тысячи «маленьких» трагедий», не имеющих биографического начала и конца и повествующих о конкретном мгновении в жизни индивида» (с. 14). Среди текстов, обращенных во власть, по редчайшей счастливой случайности нашлись и личные тексты (письмо к сыну, стихи гимназиста и др.), и даже вещи (потерянный кухаркой кошелек, медаль, так и не нашедшая своего героя). Дискурс писем со временем изменялся: если в середине XIX в. в них был чрезвычайно силен личный элемент,

власть в рамках патриархальной культуры персонифицировалась с конкретным старостой, которому можно было поведать о своем житье-бытье, то к концу века он стал малозаметен и подорван использованием телеграмм, «в которых уже полностью устраняется оттенок личного обращения во власть» (с. 375). Внимательное отношение к каждой строке текста, к тому, как человек обращается к адресатам, к тому, как он именует сам себя, какой пользуется лексикой, орфографией и пунктуацией, позволяет автору увидеть за ними культурные и социальные смыслы. Все документы – разные, если посмотреть на них в подробностях, но в них также оказывается и много общего, если сменить угол зрения с индивидуального на однотипное. «Смена регистра» на типичное, на повторяющиеся сюжеты, помогала автору выявить «болевы́е точки», «точки напряжения» (tension) в мещанском сообществе. Такими точками были: налоговая повинность, рекрутская повинность, паспортная система, домашняя неустроенность, разрушение сословных структур.

Книга посвящена не вообще мещанскому сословию как таковому, а конкретно – мещанству, приписанному к г. Самаре. Оно, по справедливому мнению автора, имело свои особенности, обусловленные характерными чертами самой Самары, которую З.М. Кобозева характеризует как «город-фронтир», находящийся на границе культурной ойкумены и «дикого поля», как поволжский «Новый Орлеан». «Географический образ Самары, – пишет автор книги, – обладает миграционной подвижностью. Из этого вытекает такая особенность горожан, как перенесение пространственных стереотипов поведения из автохтонных территорий на Самару и их “непоглощаемость” местным культурным фоном: деревенские продолжают жить в Самаре по-деревенски, различные этносы сохраняют свою модель поведения и этику, пришлые “столичные” противопоставляют себя провинциальному “хамству”, – и всё вместе формирует неповторимый маргинальный колер, в котором присутствует своя специфическая стратификация: до революции – сословная с маргинальной спецификой, в современное время – буржуазная все с тем же маргинальным подтекстом» (с. 37). У Самары не было своей, уходящей корнями в древность, мифологизированной истории. Большинство жителей города относилось к мещанству, здесь было мало дворян и интеллигенции, и это мешало появлению мещанской культуры, образующейся в процессе множества заимствований из культуры иных слоев населения.

Таково пространство, в которое автор помещает своих негероических героев. В нем они начинают оживать и действовать: читателю демонстрируют основные типы мещанских домов (победнее и побогаче),

семьи, которые их населяют, внутреннее убранство жилищ, сады-огороды, выгоны для скота. Последний отличался разнообразием: в 1890 г. по Самарской губернии числилось 6824 верблюда, и ночью их можно было увидеть на улицах города, поскольку городская дума запретила езду на этих «большегрузах» днем. (с. 256). Самарские мещане представлены через множество профессий: это портные, булочники-пирожники, модистки, столяры, моляры, слесари, печники, бондари, колесники, дворники – всех не перечесть. Но время шло вперед – и набор специальностей менялся: появились кондукторы, машинисты, телеграфисты, фельдшеры. Мещане активно занимались торговлей, держали различного рода заведения (гостиницы, трактиры, харчевни и пр.) и имели небольшие промышленные предприятия. Многие из преуспевших мещан из сословной замкнутости «устремляются на свободу: в профессионализацию и индивидуализм» (с. 265). Тем не менее, прислуга и чернорабочие преобладали в мещанстве в течение всего рассматриваемого периода – от Великих реформ и до революции 1917 г. Источники позволили детально представить в книге социальную структуру и материальную сторону жизни, общий облик самарского мещанства. Но для автора это только контекст исследования, а не его результат. Она ставит себе цель «увидеть и услышать мещанина, не исковерканного типизацией», реконструировать его поведенческие практики, воссоздать его эмоции и ментальность, мимолетно встретиться взглядом с тем или иным автором текста, вслушаться в его слова и понять побуждения, заставившие его взяться за перо.

И все-таки – спросит читатель, кто же такие эти «мещане», что это за социальная категория граждан Российской империи? У автора книги нет прямого ответа на этот вопрос, вместо него представлен материал о законодательстве по городским группам населения, начиная с XVIII века, и историография проблемы со всеми ее спорами и противоречивыми утверждениями. Думается, что это правильное решение, поскольку однозначно сказать, кто такие мещане, каковы их права и обязанности в государстве, невозможно – они не оставались неизменными и, как считает автор, являлись «симбиозом» законодательных инициатив и социального творчества горожан. Дать точное определение мещанству – означает показать его в статике, зафиксировать в какой-то определенный момент истории. З.М. Кобозева стремится показать мещанство в динамике. Мещанское общество «выросло из посадской общины с ее тяглым сознанием, традиционной этикой и торговым духом» (с. 89). Мещане были низшим слоем горожан, тянувших налоговое бремя, прикреплен-

ных к определенному городу, исполнявших рекрутскую повинность. Принадлежность к мещанству была пожизненной и наследственной, но в него можно было приписаться, получив увольнительный приговор от прежнего общества (например, крестьянской общины или купеческой гильдии). Екатерининское законодательство о городах дало мещанству возможность активно участвовать в органах городского самоуправления, а с введением Городового положения 1870 года «мещанство, получая свой сословный орган, мещанскую управу, в делах города перестает играть ту традиционно патриархальную роль “хозяина”, которую оно играло вместе с купечеством в делах местного самоуправления ранее» (с. 67).

Таким образом, книга в трех первых главах повествует о временах переменчивых и трудных – от «золотого века» мещанства 1850–1860-х гг., когда никто и не подозревал, что он «золотой», до времен реформ и перемен, разьевших устоявшийся бытовой уют привычек, и заставивших каждого думать о своем будущем самостоятельно, утратив «плечо» общины. Реформы создавали *всесословное* общество горожан. Для мещанства их обязанности перед властью – сбор подушной подати по принципу круговой поруки, рекрутская повинность, выдача паспортов были заменены индивидуальными денежными сборами, круговая порука – индивидуальной ответственностью, а рекрутчина – всеобщей воинской повинностью. Для мещанской управы почти не осталось поля деятельности, тем не менее, самарские мещане приложили максимум усилий, чтобы ее сохранить. В книге Кобозевой полностью приводится интереснейший документ – поданный губернатору в 1883 г. «Протест» мещан города Самары против ликвидации их управы, который с удивительной ясностью зафиксировал попытки мещанства остановить процесс умирания их сословной организации. Просьбу удовлетворили, и делопроизводство чудом выжившей управы хорошо передает этот процесс ее малозначимой деятельностью, одновременно сопровождающейся эмоциональной напряженностью: «Чем более одинокой и ненужной в пространстве империи становилась эта группа, тем более склонялась к преувеличению своей роли, что отражалось на их восприятии себя как вершителей человеческих судеб: этот нравственный, а этот порочный; этот бедный, а этот притворяется таковым; этот платежеспособный, а этот будет обузой обществу» (с. 219).

Другой вопрос, который безусловно возникает перед читателем книги, это – насколько специфична или типична история самарского мещанства в целом, а также различные аспекты его бытия, выбранные для изучения? Автор тоже постоянно задается этими вопросами. Но их

невозможно решить, не обращаясь к сравнениям с другими городами. Казалось бы возникает коллизия много раз обсуждавшаяся историками: микроистория (в данном случае – в виде изучения одного города) не в силах подняться до генерализации, до «объективных закономерностей исторического процесса». Тем не менее, З.М. Кобозевой удалось показать общее и особенное самарского мещанства, и сделано это простым и хорошо работающим способом – обращением к результатам других исследований по истории русского города (Л.В. Кошман, А.Б. Каменского, А.И. Куприянова, Н.В. Середы и др.). Ее постоянный «собеседник» – Б.М. Миронов, работы которого генерализируют многообразные социальные черты городов центральной России. Иногда наблюдения разных авторов совпадают, иногда – нет. Так, рассматривая хозяйственную жизнь самарского мещанства, З.М. Кобозева замечает: «Таким образом, идя, казалось бы, совершенно другим путем в рассуждении о благосостоянии и хозяйственной жизни мещанина пореформенной России провинциального города, чем это делает Б.Н. Миронов, и наблюдая за повседневностью, а не за антропометрическими показателями, мы приходим к тем же выводам: “имперская Россия модернизировалась и благосостояние населения росло, несмотря на все издержки”» (с. 272).

Еще одна проблема – как выстроить масштаб «соотношения “отрезка” события, выхваченного из жизни ничем не примечательного горожанина, отображенного в документе, к “отрезку” сословной жизни, начертанной для многих таких ничем не примечательных горожан законодательством и властью»? Как показать «сословную модель», заданную «сверху» законодательством и приспособленную «снизу» обывателями города к своей повседневной жизни? (с. 18). Путь открывается исследователю один: проанализировать с разных сторон и в разных подходах весь комплекс текстов, пусть и самых незначительных, исходящих от самих мещан. Услышать их индивидуальные голоса, зафиксированные бюрократическим текстом. Это – рискованный путь (по нему в свое время успешно прошла исследовательница-социолог Н.Н. Козлова¹, но ее «голос», к сожалению, З.М. Кобозевой оказался не услышан). Конечно, невозможно ограничиваться только «голосами», автор книги параллельно учитывает и феномен власти на ее разных уровнях, ее действия, ее учреждения, ее сословную политику. Ибо «голоса» мещан, отраженные в бюрократических документах, обращены именно к власти. И тут «собеседником» автора вполне закономерно оказывается М. Фуко, к которому она обращается за советом и поддержкой почти во

¹ Козлова. 1996.

всех главах. Именно с опорой на его концепцию «многочисленные латентные техники “захвата тела” властью, – пишет автор, – будут исследоваться... во всех разделах, посвященных общественной и частной жизни мещанина, так как во всех своих ипостасях жизнь человека – это “дисциплинарное пространство”, в котором он живет, из которого бежит и куда возвращается, чтобы закончить свой жизненный путь» (с. 22-23). И действительно, создается впечатление, что Фуко прямо писал о российском обывателе, жившем в таком «дисциплинарном пространстве», где «просматривается каждая точка, где индивиды водворены на четко определенные места, где каждое движение контролируется, где все события регистрируются, где непрерывно ведущая запись связывает центр с периферией, где власть действует безраздельно по неизменной иерархической модели, где каждый индивид постоянно локализован, где его изучают и относят к живым существам, больным или умершим – все это образует компактную модель дисциплинарного механизма» (с. 324). Власть требовала от мещан, а до того – от их предков, посадских людей – сбора податей (которые раскладывались на все общество, и само общество решало, как они будут собраны). Поэтому каждый мещанин был записан в «обывательскую книгу», и не имел права отлучаться из города без особого разрешения, что регулировалось паспортной системой. Кроме того, мещане несли рекрутскую повинность. Этим проблемам посвящены три главы второго раздела книги. Они подробно раскрывают то, как, согласно законодательству, работала, или должна была работать, система этих повинностей. Однако это – только «условия задачи», поставленные государством. Обращаясь к документам собраний мещанского общества и его управы, З.М. Кобозева раскрывает повседневную сторону исполнения этих условий, со всеми трудностями, трагедиями, уловками и успехами «маленького человека» перед лицом бюрократической машины. Паспортный контроль создавал людям множество проблем, не позволяя уехать на заработки и торги без бюрократических проволочек, что приводило к затруднениям с заработком и, соответственно, к росту недоимок в налогах. Заброшенный жизнью из Самары куда-нибудь в Красноярск или Самарканд, мещанин должен был писать в самарскую управу с просьбой о замене ему просроченного паспорта или об откреплении его от самарского мещанства, посылать деньги на новый документ. Сколько среди этих посланий находится маленьких историй, заканчивающихся воплем души «пришлите скорее паспорт!». Не могу не привести хотя бы один пример: «Милостивый государь Алексей Ильич! Описываю Вам свое несчастное положение. Хотя вы и не виноваты, извините, что вас затрудняю. Прошу вас

как родного отца, наведите справки, где в настоящее время находится паспорт и пришлите почтовую квитанцию отправленного паспорта, еще прошу вас, если он отослан по ошибке, то попросите мещанскую управу выдать копию, чтобы можно было мне приехать в Петербург, хотя на 15 дней. Товар у меня отправлен и с того времени как с Вами видался, а сам живу в Пензе. А из дому получил 4 телеграммы, что паспорта нет...» (с. 367). Как выяснилось позднее, паспорт по ошибке был отправлен в Ташкент. Комментарии излишни! И в то же время паспорт был важен для самоидентификации мещанина как полноправного члена определенной общины. Письма на «паспортную» тему показывают, что мещане использовали эту систему и в личных целях – для оказания давления на своих домочадцев – жен, мужей и детей: «...жена моя Екатерина Иванова ныне Пашкова оказалась дурного поведения и в настоящее время от меня самовольно удалилась... покорнейше прошу жене моей... без ведома моего паспорта...не выдавать», – обращался в управу покинутый муж (с. 346).

«Мир мещанского общества был неотделим от мира денег, тщательно вписываемых в документацию, равно как и вписанных в контекст их повседневности» (с. 293). В главе «Мещане и деньги» показан сложный денежный оборот, с которым сталкивались органы мещанского управления, начиная с расклада повинностей на каждую семью, сбором недоимок и кончая выплатой зарплаты мещанскому старосте. Проблем и конфликтов в этой сфере множество: и раздел наследства, и благотворительность, оплата лечения беднейших членов общины, и сбыт фальшивых кредитных билетов, и многое другое, проходящее через документы и письма самарских мещан. Среди них документы людей и весьма состоятельных, и совершенно нищих. Именно о последних сведений больше всего – они описывают свое плачевное состояние, из которого следует, что выплатить недоимки им невозможно: «Имею честь объяснить, что я недоимку эту по малолетству и бедному состоянию своему заплатить не могу...» (с. 295).

Рекрутский набор, расходы на него и организация ложились в основном на плечи мещанских обществ. Определение кандидатов в рекруты производилось по правилам «очередной системы» с учетом рабочей силы семейств. Материалы о рекрутской повинности многочисленны и хорошо показывают все уловки, на которые шли семьи, чтобы избежать отдачи в рекруты своего домочадца. Производили семейный раздел недвижимости, чтобы уменьшить число мужчин в одной семье, нанимали за себя добровольцев, решивших пойти в солдаты вне очереди по самым разным причинам, вместо рекрута вносились деньги, добывались меди-

цинские свидетельства о несовместимых со службой болезнях и увечьях, приносилось свидетельство о том, что будущий рекрут – единственный кормилец большой семьи. Иногда рекрутчина, как и паспорт, применялись для «воспитательного воздействия». К примеру, 60-летний мещанин Федей Матвеев сам просил забрать его сына в рекруты, так как его сыновья «не помогают в уплате долга, даже причиняют мне сыновния оскорбления и в особенности Иван... отдать Ивана за меньшого моего сына в солдаты» (с. 399).

Мещанин-рекрут превращался в воина, и в нем следовало воспитывать чувство патриотизма. З.М. Кобозева показывает большое количество официальных мероприятий в городе, посвященных военным юбилеям, использование темы патриотизма массовой литературой, однако она вынуждена признать, что не находит каких-либо зафиксированных рефлексий обывателей Самары по поводу их патриотических чувств (с. 412). Русско-японская война тяжелее всего сказалась именно на мещанстве, однако и здесь не удалось найти какой-то явной социальной реакции. Скорбь по погибшим была спрятана за домашними стенами, а власти города пытались по мере сил материально поддержать семьи не вернувшихся с войны низших офицеров. Автор улавливает за документами, связанными с войной, «тягловую» психологию мещанского сословия, «адаптировавшегося к роли основного, после крестьянства, поставщика солдат для империи. Смысл бытия беднейшей части этого сообщества заключался в выживании. Процесс выживания вовсе не обязательно был связан с доминированием эмоций обреченности. Но на все, включая войну, мещанин смотрел по-деловому: раз неизбежно, следовательно, следует приспособиться» (с. 417).

В специальном разделе затрагивается тема «privacy» (семья и любовь; болезнь, старость и смерть). Показанная через «письма во власть», т.е. через жалобы и просьбы, она и выглядит весьма драматически, впрочем, как и во все времена. Однако и в этой сфере есть сословная специфика и движение времени: мода на чувствительность («жестокий романс»), более гуманное отношение к детям, эмансипированные дамы (в основном – вдовы). Старость, вызывавшая о помощи и к родственникам, и к мещанской управе, находила мало поддержки. Низкий уровень жизни большинства представителей сословия приводил к тому, что не было денег на лечение, на содержание себя в старости, на похороны.

И вот Россию накрыли революционные времена – глава о них, на мой взгляд, одна из самых удачных в книге. Эти времена показаны не совсем обычно – с точки зрения повседневной жизни, в которой меща-

не-революционеры объединены с мещанами-хулиганами. «Дискурс революции наводнил и пропитал ментальность обывателя настолько, что уже невозможно было понять, с кем в действительности имеешь дело: с революционером или хулиганом; с играющей в революцию местной интеллигенцией или теми, кто серьезно покушался на государственный строй и презумпцию человеческой жизни. 2 декабря 1905 г. после заседания семейно-педагогического кружка в здании земской управы в Самаре публика расходилась в 12 часов ночи с пением “Марсельезы” и выкриками “Долой самодержавие!”. Та же публика, которая окружила “скопище” кружковцев, шла за ними, готовая броситься в драку, со словами “Вас самих, мерзавцев, долой!”» (с. 531).

В 1905–1906 гг. революционный невроз охватил всех жителей, из обывателей они стали бастующими (бастовали по профессиональной принадлежности: приказчики, модистки, грузчики, кондукторы конки и др.), деятелями эсеровских комитетов, распространителями листовок, пропагандистами, читателями нелегальной литературы, любителями приключенчески-девиантного образа жизни, провокаторами и доносчиками. Жизнь города весьма и весьма оживилась. Многие обзавелись оружием. Но все сохранившиеся политические дела в Жандармском управлении показывают, что серьезных деятелей революции из мещанской среды не вышло. Некоторые проявляли свою революционность таким образом, как мещанин Макеев, который в конторе при станции «Самара» «немного в не трезвом виде собрал около себя служащих криком: Долой самодержавие! Долой Николку!». Далее кричал, что он его затопчет ногами, и «если бы за это пришлось поплатиться жизнью, зато буду знать, что погиб за свободу!» (с. 544). Подобные взрывы эмоций, направленные против власти, начиная с Петра I, во множестве засвидетельствованы в делах, сохранившихся в недрах архивов политического сыска, в них несколько менялась риторика, но пьяное состояние оказывается константным. Представлены в главе не только анекдотические, но и трагические случаи. Покушение на убийство представителя власти, совершенное 19-летним учеником 3-го класса городского училища Захаром Ярыгиным, рассмотрено автором подробно. Ярыгина втянули в этот теракт молодые эсеры, сказав, что он не имеет права отказываться от порученного ему задания. Ярыгин, видимо, побоялся стать предателем «дела партии». Но, «каким образом социально-политические изменения преломлялись в сознании Ярыгина, остается только предполагать», – считает З.М. Кобозева (с. 522). Юноша выпил несколько бутылок водки и произвел два выстрела в упор из пятизарядного револьвера в помощника исправника Тимофеева.

Оба раза револьвер дал осечку. После этого Ярыгин протянул револьвер исправнику. Помимо Ярыгина перед читателями проходит внушительная череда лиц, так или иначе оказавшихся замешанными в революционной деятельности, их много особенно среди учащейся молодежи, каждый – со своей нелепой и не сложившейся судьбой. Если раньше, в стабильные для мещанского общества времена, оно могло контролировать порядок и удалять от себя лиц девиантного поведения, то теперь, в период своего распада, оно из последних сил старалось удержать старые «уставные нормы», наладить нормальную повседневную жизнь.

Итак, история, рассказанная в книге, это история сословия от «золотого века», пришедшегося на первую половину XIX столетия, до его затянувшейся кончины в начале века XX-го. Сословие не хочет умирать, борется за себя до последнего. И хотя двери управы закрылись навсегда, мещане продолжали жить в городе, но уже без поддержки «своих». Главная интрига остается за пределами книги, за барьером 1917 года. Однако намек на нее автором сделан вполне определенно: «Сам обыватель Самары проснулся 26 октября 1917 г. все тем же мещанином-обывателем. Аккуратно сложил свою идентичность в сундук, подоткнул нафталином, и стал ждать новой социальной роли, уготованной ему творцами русской истории» (с. 607).

Эта история мещанского сословия сшита автором из сотен мелких лоскутков, предоставленных источниками, простегана концептуальными подходами современной историографии, обрамлена множеством ассоциаций с художественной литературой, песнями, фольклором. Получилась искусная, необычная, привлекательная работа.

Каковы же выводы – спросит читатель? Они таковы – вот так неоднозначно, если взглянуть с точки зрения повседневности, проходил в г. Самара процесс модернизации, быстро разрушая старые структуры, и создавая новые, вот так приспособлялись мещане к тяжелейшему давлению власти, принимая его как данность, свыкаясь с ним. Вот так, снабжая казну деньгами, горожан – товарами и услугами, армию – солдатами, правительство – лояльностью и аполитичностью, мещане держали государство на своих не очень мощных плечах. Такова была роль мещанства в истории государства Российского.

Книга З.М. Кобозевой включает в себя такой аспект, о котором могу не сказать, поскольку ему не придают значения, а на мой взгляд он важен. Историческое познание может быть разным. Оно совсем не обязано иметь концептуализированную форму, принятую в диссертационном жанре. Оно может оставаться на уровне качественного описания

реалий прошлого и их авторского, профессионального интерпретирования. Такое знание не объясняет прошлое, оно рассказывает о нем, разъясняет его в подробностях, расширяя и уточняя представления читателя о прошлом. Сентенцию эту поясню примером из жизни.

Ко мне в гости пришли дети-шестиклассники, брат с сестрой. Я дала им рассматривать иллюстрированную книгу. Это был известный немецкий альбом Занга – издание фотопортретов начала XX века. В нем представлены разные социальные типы того времени – целые семьи и индивидуальные фото представители рабочих, буржуа, аристократов, позирующих перед фотокамерой. Реакция детей на этот альбом меня озадачила: нет, им не было скучно – они просто умирали от смеха, разглядывая его. А мне и в голову не могло прийти, что в нем есть что-то смешное, наоборот, старые фотографии всегда навевают грусть. Почему же дети так смеялись? Потому что они увидели «прошлое» совершенно непосредственно, а не в абстракции школьного предмета истории, и восприняли его как «иное», «чужое», а значит – смешное, смехом они унижали прошлое и возвеличивали свое время. История же как раз и призвана через показ «прошлого» и его интерпретацию давать понимание «иного», «чужого», иметь критическое осмысление и собственного времени, которое так скоро тоже превратится в «прошлое». Именно так, приучая к картинам прошлого, микроисторические работы и имеют возможность развивать мышление не только детей, смех которых вызван их непосредственностью, но и взрослых, которые тоже часто смеются над прошлым, но только про себя.

Работа З.М. Кобозевой рассказывает о мещанах все возможное, делает их понятными, они перестают быть читателю «чужими», и он уже с вниманием и без смеха станет рассматривать старые фотографии, помещенные в книге.

БИБЛИОГРАФИЯ

Кобозева З.М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX – начало XX в.) или Рассказ о «душе с повинностями». Самара: Изд-во «Самарский университет» 2013.

Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи. Голоса из хора. М., 1996.

Кошелева Ольга Евгеньевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; okosheleva61@gmail.com